

САЛЫР-ГЮЛЬ

(Узбекистанские импресии)

I

ОКНО

Уже несколько часов, как мы оставили позади закат. Помню ныряющий в ночь каменный контур Оренбурга: вертикали минаретов, отряхающие с себя плоский -- из казарм и складов город.

Сейчас ночь. Сон не идёт ко мне. Приходится довольствоваться суррогатом сновидения: мыслью.

Между учебником логики и железнодорожным путеводителем, между мышлением и путешествием есть несомненное сходство. Мышление -- это передвижение образов в голове. Путешествие -- передвижение головы мимо сменяющихся образов. Переставив термины, можно сказать: странствовать -- значит мыслить объектами; думать -- странствовать в себе самом.

Аэродинамическое испытание лётной модели основано на том, что совершенно безразлично -- движется ли самолёт сквозь среду, преодолевая её сопротивление, или же среда движется на самолёт. Поэтому, закрепив модель неподвижно внутри особой трубы, гонят на неё вращающимися лопастями ток воздуха. Это -- полёт на месте.

Что я делаю сейчас? Прогоняю пространство через мозг. Но как только окна перестанут быть чёрными, утлая модель заскользит -- вместе с поездом -- по рельсовым нитям: внутричерепное превратится в законное.

Время гораздо настойчивее пространства. Тоненькая секундная стрелка толкает весь массив жизни вперёд и вперёд. Воспротивиться ей -- то же, что умереть. Тяга пространства гораздо слабее. Пространство терпит бытие мягких, приглашающих в неподвижность кресел, ночные туфли, походку с развальцей. Бесконечное пространство столь терпеливо, что переносит даже человеческую усидчивость. Время -- сангвиник, пространство -- флегматик; время ни на долю секунды не приседает, оно живёт на ходу, пространство же -- как его обычно описывают -- "разлеглось" за горизонтным увальнем; оно спит, подложив горы под голову и растянувшись своей беспредельной протяжённостью на песке и травах наших степей. Его надо растолкать, разбудить паровозными свистками, -- и только тогда оно начинает медленно и неохотно приходить в движение. И вот сейчас -- я ясно ощущаю -- пространство на ходу; оно идёт, еле поспевая за семенящей стрелкой секунд; оно шагает, медленно переставляя невидимые пейзажи. Теперь оно даже стало слегка похоже на своего спутника, у них есть право на некое распе time [1]. И когда рассветёт...

Но я уже смутно различаю фигуры, растянувшиеся на соседних полках. Не пора ли переключиться на законный лад?

Встаю и прохожу меж спящих. Да, если чиркать головой, как головкой спички, вот об это чёрно-серое пространство, она вспыхивает. И смешной образ: эти люди разложены в вагонной коробке, как...

Я уже в тамбуре, недалеко от тимпанных ударов буферов о буфера. Взявшись за ремни, толкаю оконную раму сперва вверх, потом книзу. Рама скрипит и упирается, затем медленно оползает внутрь стены. В лицо сухой и пряный ветер казахстанской степи. Поезд ещё спит. Я, вероятно, первый открыл своё окно... В Азию.

ЧЕЛКАР

Рельсовый путь выбирает культурную полосу. Он сторонится песков и безводья пустыни. Его паровозам нужно пить воду. Верхнее строение пути должно иметь прочный упор и защиту от песчаных наносов. Поэтому справа то и дело показывается изжелта-синий извив Сырдарьи и по обе стороны полотна, среди никлых солянок и землисто-зелёной верблюжьей колючки, стелющейся меж почвенных щелей, вспыхивают красные заросли мыльного корня и какой-то довольно яркой, метёлками из земли торчащей травы, до странности похожей по форме на метелковидные реденькие бородки местного мужского населения.